

© 2013 г.

Иван Буздалов

академик РАСХН

главный научный сотрудник

Института экономики РАН

(e-mail: tamara.buzdalova@yandex.ru)

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНОГО АГРАРНОГО КРИЗИСА В РОССИИ

В современных научных исследованиях и проводимой аграрной политике уделяется мало внимания интенсификации сельскохозяйственного производства. Это совершенно неоправданно, поскольку интенсификация должна была бы играть важнейшую роль в преодолении системного аграрного кризиса в России. В статье даются рекомендации по стратегии интенсификации сельского хозяйства в рыночных условиях, повышению экономической эффективности при усилении роли государства в поддержке этого процесса.

Ключевые слова: аграрный кризис, интенсификация, факторы и показатели интенсификации, инновации, модернизация, добавочные вложения, дифференциальная рента, аграрный протекционизм.

Как известно, советская официальная экономическая наука определяла аграрный кризис как состояние «перепроизводства в сельском хозяйстве» капиталистических стран, обусловленное, разумеется, пороками капитализма¹. В России же, наоборот, существовал постоянный дефицит продовольствия, но это не рассматривалось как кризис, и власть, и сама наука предпочитали говорить о «преимуществах» социалистического сельского хозяйства, замалчивать фактор хронического дефицита сельскохозяйственной продукции.

Но если исходить из действительного понятия экономического кризиса, то именно советское сельское хозяйство, как и вся административно-командная экономическая система социализма, находилось в состоянии непреодолимого кризиса, не справляясь с задачей эффективности использования ресурсов, рационализации пропорций, увеличения отдачи экономики для потребления. Причем признаки аграрного кризиса в той

¹ См. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия, 1972 г., т. I, с. 24-26.

или иной форме иногда даже в большей степени, чем в прошлом, проявляются в настоящее время. Одним из наглядных проявлений нынешнего аграрного кризиса является выпадение из оборота за годы реформ более 40 млн га посевных площадей и связанный с этим острейший дефицит продуктов питания отечественного производства и, соответственно, сильнейшая зависимость народного потребления от импорта продовольствия. В 2011 г. он достиг 42,5 млрд долларов, т.е. беспрецедентных (если рассчитывать на душу населения) за всю историю России размеров, на 20% превысивших выручку от реализации собственной продукции сельского хозяйства в закупочных ценах.

Что касается некоторых объемов экспорта, в основном зерна, то это не достижение, афишируемое властями, а подрыв кормовой базы животноводства, как это было в разорительные для страны 30-е годы. А ведь только преобладание в производстве и экспорте аграрной продукции продуктов животноводства может свидетельствовать о сбалансированности аграрной структуры и праве страны называться реальным экспортером продовольствия. В России же доля продукции животноводства за 1990–2011 гг. упала с 65 до 49%. Это свидетельствует об отсталости сельского хозяйства, экстенсивном характере его ведения. Такая страна как Россия не может базировать удовлетворение потребностей населения в продовольствии на импорте. Это свидетельство ущербности проводимой аграрной и всей экономической политики государства, бесхозяйственности, нарушения требований национальной безопасности.

Представители власти часто утверждают, что Россия может играть очень большую роль в продовольственном обеспечении человечества. Действительно, Россия имеет около 10% мировой продуктивной пашни при 2% населения планеты. Однако в российском сельском хозяйстве сложилось такое положение, что ныне для решения этой задачи нет никаких других условий, кроме земельных ресурсов, для продуктивного использования которых нет достаточных условий. Производственный потенциал отрасли в целом на обширной территории находится в состоянии крайней деградации. Особую тревогу вызывает упадок трудовых ресурсов, снижение его адекватности задачам оздоровления аграрной сферы. Острота аграрных проблем, трудности их разрешения усугубляются тем, что они – отражение общего социально-экономического неблагополучия в государстве.

В деревне нет значимого социального слоя, способного изменить ситуацию. Нет класса хозяев-профессионалов, владеющих современными достижениями науки и техники и располагающих всеми необходимыми для производительного труда материальными и культурно-бытовыми условиями. Наоборот, социально-трудовая сфера села подверглась беспре-

цедентному распаду. За последние 20 лет с карты страны исчезло около 17 тысяч сельских поселений, а большинство оставшихся обезлюдели. Уровень оплаты труда работников сельского хозяйства, к 1990 году достигший 95% к среднему по экономике, опустился в 2011 г. до 52%. На селе особенно распространена бедность, очень высок уровень употребления алкоголя на душу населения, село доминирует по числу случаев суицида на 1 тыс. человек и т.д. В полуразрушенном состоянии находится социальная и инженерная инфраструктура села. Уровень сельской безработицы почти вдвое превышает городские показатели. При общем сокращении численности сельского населения за тот же период на 5% число детских учреждений сократилось в 2,2 раза, больничных учреждений в 5 раз, участковых больниц в 11 раз и т.д. Село покидают квалифицированные кадры специалистов, молодежь. До 85% выпускников вузов аграрного профиля не идут на работу в сельскую местность. Особую остроту проблеме придает то, что на обширной сельскохозяйственной территории вообще нет жителей и выводить сельское хозяйство из кризиса здесь практически уже некому.

Между тем, в современном мире накоплен богатейший опыт государственной стратегии по созданию гарантирующего от аграрного кризиса «прочного» земледелия. Основой этой стратегии является перевод сельского хозяйства на интенсивный путь его развития с необходимыми общими структурными изменениями в системе АПК. Этому пути сельского развития практически нет альтернативы.

Интенсификация производства, базируясь на общих закономерностях социально-экономического прогресса, в сельском хозяйстве имеет существенные особенности, предполагающие особый подход к ее научному анализу, затрагивающему важные аспекты аграрной теории, прежде всего связанные с законом убывающего плодородия почвы, теорией и условиями образования дифференциальной земельной ренты. Причем следует особо учитывать, что научно-технический прогресс, системные технико-технологические преобразования, определяющие движущие силы интенсификации сельскохозяйственного производства, способны негативно влиять на окружающую среду. Это предполагает необходимость сопровождать интенсификацию комплексом мер по обеспечению экологической устойчивости, рационализации природопользования.

Но главным является то, что интенсификация сельского хозяйства включает в себя в качестве одного из определяющих факторов социально-трудовую составляющую. Профессиональное ее осуществление с наибольшим экономическим эффектом, широкое целенаправленное исполь-

зование научных разработок, практических достижений требует формировать высокое качество «человеческого фактора», формировать по сути новый тип работника, создавать корпус высококвалифицированных специалистов. Но чтобы иметь и закрепить на селе такие кадры необходимо создавать для них новые условия жизнедеятельности, современную социальную и инженерную инфраструктуру.

Специально оговорим, что интенсификация сельского хозяйства невозможна без решения общих глобальных проблем развития экономики, оздоровления всего «национального организма», прежде всего государства. Опыт всех развитых стран подсказывает, что важные условия использования факторов интенсификации лежат за пределами самого аграрного сектора, касаются общей экономической системы государства.

Очевидно, что успешно решать комплекс названных и связанных с ними других проблем реализации общей стратегии развития сельского хозяйства по пути последовательной интенсификации можно на основе разработки и использования научной методологии, начиная с определения самого понятия сущности, движущих сил, показателей этого сложного, противоречивого процесса. А именно в этом, исходном пункте его исследования до сих пор нет полной ясности. Если в специальной литературе 60-70 гг. XX в. теоретико-методологические аспекты интенсификации являлись предметом острой и далеко не закончившейся дискуссии, то ныне эта тема вообще почти выпала из научных исследований и почти не встречается на страницах научных изданий.

Следует, поэтому, прежде всего напомнить, что интенсификацию производства (от фр. *intensification* – напряжение, по В. Далю – *усиление*) в общем понимании ее сущности было принято рассматривать как «процесс развития общественного производства, основанный на применении более эффективных средств производства и более совершенных форм организации труда и технологических процессов»¹. Примерно такое же определение сущности интенсификации производства приводилось и в других научных и энциклопедических изданиях.

Что касается интенсификации сельского хозяйства, то в указанной энциклопедии (с. 39) ее сущность определялась уже совсем иначе – как «процесс роста производства продукции за счет дополнительных, последовательно осуществляемых затрат живого и овеществленного труда (в

¹ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975 г., т. I, с. 38.

других источниках – труда и капитала – *И. Б.*) на единицу «земельной площади». Такое определение обычно «привязывалось» к известной формулировке этого понятия К. Марксом, как «концентрации капитала на одной и той же земельной площади» и почти аналогичного ленинского определения¹. Дальше такого подхода к трактовке понятия интенсификации сельского хозяйства наука того времени не продвинулась, а, учитывая, видимо, то, что истина уже установлена, современная «Экономическая энциклопедия» (издание 1999 г. «Экономика») это понятие вообще не рассматривает.

Между тем, нельзя специфические особенности осуществления этого процесса в сельском хозяйстве, связанные с последующими (добавочными) вложениями на той же земельной площади, рассматривать как его экономическую сущность. **Вложения капитала** (как добавочные, так и общие) это материальная основа, важный, но один из факторов интенсификации. Главным, определяющим для понимания ее сущности и эффективного практического осуществления являются **качественные преобразования** всей совокупности факторов производства, включая экономические, социальные, управленческие, и, тем самым, повышение эффективности вложений капитала.

При этом нужно иметь ввиду, что как бы ни отвергался закон убывающего плодородия почвы, концентрация капитала на одной и той же площади на каждом данном этапе развития и качественного состояния производительных сил имеет разумные экономические оптимумы, за пределами которых эффективность добавочных вложений имеет тенденцию к снижению. Эта тенденция, как и ограниченная во времени возможность быстрого качественного преобразования факторов производства, является неопровержимой практической реальностью. Более совершенные или новые сорта растений, породы животных, виды удобрений, техники и т.д. надо создать, экспериментально испытать, обеспечить массовое серийное производство, поставки, а на это, как и на подготовку необходимых специалистов, на овладение ими новых технологий и т.д. часто требуются многие годы. Изменение экономических и вообще общественных отношений, создающие условия для осуществления интенсификации, также требуют времени, определенного переходного периода.

Таким образом, рассматривая сущность интенсификации в тесной взаимосвязи количественной и качественной сторон вложений на едини-

¹ См. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5, т. 27, с. 191-192

цу земельной площади труда и средств производства следует подчеркнуть, что главной движущей силой этого процесса являются **качественные преобразования во всей системе производственных отношений, в методах хозяйствования**, обуславливающие повышение результативности вкладываемого в землю капитала, средств производства и труда. Рост экономического плодородия почвы, как обобщающее выражение этой результативности предполагает *определенный объективно обусловленный уровень материально-технического, ресурсного обеспечения в расчете на гектар земельной площади, а этот уровень в сельском хозяйстве страны находится сейчас на недопустимо низкой отметке. Повышение его до необходимого оптимума в настоящее время и в ближайшей перспективе является важнейшим условием реализации всей стратегии развития сельского хозяйства на основе интенсивных факторов экономического роста.*

Следование этой стратегии – прямой путь к современной социально-экономической модели устойчивого, антикризисного развития сельского хозяйства и вместе с тем обеспечению прочной продовольственной, а, значит, общей национальной безопасности страны. Это предполагает необходимость особого и неослабного внимания и к научным исследованиям, и к прикладным вопросам интенсификации сельского хозяйства. А такое внимание наблюдается в странах с высокоразвитым аграрным сектором, в значительной мере предопределяющим общее социально-экономическое благополучие в этих странах, в том числе имеющих низкую землеобеспеченность.

В России, несмотря на значительное сокращение пахотных земель (за 1990–2011 гг. почти на 40 млн га и сельскохозяйственных угодий в целом на 18 млн га) сохраняется достаточно высокий уровень землеобеспеченности (на одного человека, соответственно, по 0,53 и 1,38 га). Во Франции, например, на каждого жителя страны приходится 0,4 га пашни и всего 0,5 га сельскохозяйственных угодий, т.е. последних в 2,7 раза меньше, чем в России, причем земель далеко не лучшего качества. Однако на основе интенсификации производства за период с 1990 г. объем валовой продукции французского сельского хозяйства неуклонно возрастал (в России он упал почти на 18%) и составляет сейчас в среднем за год 64 млрд евро (около 2,5 трлн рублей в текущих ценах), а в среднем в расчете на 1 га сельхозугодий больше, чем в России в 6 раз, на душу населения – в 2,6 раза, на занятого в сельском хозяйстве – в 5,8 раза.

Полностью обеспечивая население страны продовольствием, Франция стала вторым в мире экспортером сельскохозяйственной продукции, продавая на внешнем рынке примерно 15% ее валового объема, в т.ч. значительных объемов животноводческой продукции, что и является подтверждением статуса страны как крупной мировой продовольственной державы¹.

Германия имеет еще более низкую землеобеспеченность с преобладанием худших по качеству почв, но, реализуя стратегию последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства и создавая необходимые для этого социальные условия жизнедеятельности крестьянства, более чем на 90% обеспечивает население продукцией собственного производства при экспорте значительных объемов животноводческой продукции. То же самое наблюдается в Голландии, Швейцарии, многих других странах Запада. Даже Индия и Китай с еще более низкими показателями землеобеспеченности достигли значительного прогресса в интенсификации сельского хозяйства.

Анализ показывает, что процесс интенсификации в названных и многих других странах базируется: 1) на прочных, научных основах, соответствующих методических и аналитических разработках; 2) на оптимизации размеров и структурной сбалансированности капитала, материальных ресурсов в расчете на единицу земельных угодий (эти оптимумы, например, по фондооснащенности в расчете на гектар сельскохозяйственных угодий в 4-5 и более раз превосходят российские показатели, по удобрениям – в 10-15 раз, достигая 500-600 и более кг минеральных удобрений на гектар посевной площади, и т.д.; 3) на стимулирующей процесс интенсификации активной протекционистской аграрной политике и соответствующей системе целенаправленного государственного экономического регулирования и социальной защиты сельских товаропроизводителей и 4) на рыночном механизме, методах хозяйствования и управления в соответствии с принципом: «рынок регулирует – государство корректирует», сообразуясь с критериями экономической эффективности и социальной справедливости.

В СССР в так называемые «застойные» и «перестроечные» годы произошли некоторые позитивные сдвиги в формировании и укреплении

¹ Здесь следует напомнить, что таким статусом Россия обладала более 100 лет назад и к настоящему времени, располагая миллионами гектаров уникальных черноземов, практически потеряла этот статус.

материально-технической базы интенсификации сельского хозяйства с одновременной активизацией научных разработок. Курс на интенсификацию отрасли подкреплялся постоянно растущим финансовым и материально-техническим обеспечением со стороны государства, экономическим стимулированием, прежде всего через ценовой механизм, кредитную и налоговую системы. Инвестиции в сельское хозяйство в 1981–1985 гг. по сравнению с 1966–1970 гг. возросли в 2,0, а в целом в АПК в 2,3 раза, их доля в общих инвестициях достигла 33,2%, причем значительная часть капиталовложений приходилась на государственный бюджет. В итоге основные производственные фонды фактически почти на ту же земельную площадь возросли в 3,2 раза, поставки тракторов – почти в 2 раза, грузовых автомобилей – в 3 раза, минеральных удобрений – почти в 7 раз и т.д.

Другое дело, что о проблеме оптимума вложений средств производства, об их рациональной структуре в условиях затратного механизма, присущего господствовавшей административно-командной системе, мало думали или не думали вообще. Поэтому указанные действительно огромные добавочные вложения в форме финансовых средств и материально-технических ресурсов по определению не могли обеспечить адекватной отдачи уже потому, что хозяйствам наряду с нужной техникой в «плановом» порядке навязывалась ненужная, возникали диспропорции между силовыми и рабочими машинами, низким оставалось качество техники и т.д. Если в 1965 г. на 1 рубль основных фондов было получено 1,01 рубля валовой продукции, то в среднем за 1971–1975 гг. 0,5 рубля, в 1981–1985 гг. 0,36 рубля.

В 1966–1970 гг. прирост валовой продукции к результатам предыдущего пятилетнего периода составил 21%, в 1976–1980 гг. только 9%, а за 1981–1985 гг. этого роста вообще не было. Резко возросла себестоимость сельскохозяйственной продукции, практически стабилизировался уровень урожайности сельскохозяйственных культур, негативные сдвиги происходили в состоянии и использовании земельных угодий. Иначе говоря, вопреки объявленному курсу на интенсификацию эта отрасль находилась в состоянии очевидной неустойчивости с явными признаками системного кризиса, стагнации, и поддерживалась преимущественно за счет экстенсивных факторов, затратного экономического механизма.

Главное в сущности интенсификации – качественное преобразование факторов производства – рассматривалось как дополнение к этому коли-

чественному увеличению, тем более в реальной политике государства проблемы повышения качества и эффективности, хотя и декларировались, но на деле находились на заднем плане или вообще не принимались во внимание, т.к. любые выдвигаемые цели если и достигались, то любой ценой, масштабным ресурсорасточительством. Причем в «раскрытии» сущности интенсификации акценты делались не на изучении глубинных взаимосвязей и движущих сил этого сложного воспроизводственного процесса, его обусловленности общими объективными закономерностями экономического развития, а на выявлении якобы «принципиальных» различий интенсификации при капитализме и социализме. «Доказывалось», что в первом случае концентрация (или «увеличение размеров») капитала на той же земельной площади ведет «к обострению социально-экономических противоречий, разорению мелких и средних хозяйств», иначе говоря, к «росту капитализма»¹, а во втором – «открывает большие возможности для «сознательного стимулирования производства в интересах всего общества»²

Все это ныне выглядит наивно, но такова была в то время наука и адекватная ей экономическая политика и хозяйственная практика. Регулирующая и стимулирующая роль рыночных отношений, стоимостных категорий в осуществлении интенсификации, повышении ее экономической эффективности этой наукой и, соответственно, экономической политикой, существовавшей практикой «планового ведения хозяйства» категорически отвергалась.

Негативное отношение к таким научным и практическим аспектам осуществления интенсификации с необходимыми методологическими обоснованиями и доказательствами было изложено мною в монографии «Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства» (М.: «Колос», 1966 г.). Подход к изучению интенсификации как «общего явления всех цивилизованных стран», подчиненного общим объективным закономерностям экономического развития, естественно, встретил шквал «разоблачительной» критики. В книге не принижалась роль концентрации капитала на той же земельной площади как фактора и материальной базы интенсификации. Акценты делались на оптимизацию, рационализацию структуры, повышение качества веществен-

¹ См. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5, т. 27, с. 156.

² Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975 г., т. 2, с. 41.

ных элементов этого капитала, а главное, на необходимости использования в качестве фактора интенсификации, повышения ее эффективности механизма рыночных отношений, на замене им ресурсорасточительного затратного механизма, присущего административно-командной системе. Соответствующие обоснования «Экономической газетой», другими изданиями характеризовались как «кабинетные домыслы», как непонимание сущности и преимуществ «социалистической» интенсификации.

Сейчас страсти поутихли, и прежние идеологические рамки не мешают исследованиям. Многие прежние критики «отщепенцев рыночников» сейчас признали эту реальность и сами (во всяком случае, на словах) не отвергают рыночную экономику. Но это не означает, что стали ненужными новые исследования по теме интенсификации сельского хозяйства. Рыночный механизм, тем более при нынешнем его несовершенстве и перекосах, нуждается в серьезных корректировках и упорядочении.

Дело в том, что многие пороки прежней административно-командной системы в своеобразных формах трансформировались, но сохранились в структуре нынешней власти, применяющей тот же «административный» ресурс. «Плановые» ценовые диспропорции сменились запредельным диспаритетом цен. Государственная монополия трансформировалась в монополизм партнеров сельского хозяйства по АПК и чиновничий произвол. Стиль и методы работы нынешних глав районов и субъектов федерации мало чем отличаются от «руководящей» роли прежних парткомов во главе с первыми секретарями. Волевые решения прочно закрепились в структурах государственного управления на всех его иерархических уровнях.

Власти, например, провозгласили курс на инновационное развитие, на модернизацию экономики и ее отраслей, не осуществив, однако, необходимых для этого изменений в экономической политике, системе государственного регулирования, в стиле и методах хозяйственного управления, в выборе приоритетов использования имеющихся ресурсов и т.д.

Продуманная стратегия интенсификации практически отсутствует, равно как нет и необходимого ее ресурсного обеспечения, прежде всего для поддержания и повышения экономического плодородия почвы, урожайности полей. Если в прежней «плановой» советской системе огромное количество минеральных удобрений терялось, оказывалось брошенным на окраинах полей, портилось под открытым небом, но фиксировалось в отчетах как «выполнение плана» внесения их в почву, то теперь часто по-

ля вообще не удобряются, и почвенное плодородие продолжает стремительно падать. За последние годы вынос питательных веществ из почвы в 3 раза превысил их возврат. И это в условиях, когда за те же годы производство минеральных удобрений в стране даже возросло (с 16 до 18,8 млн тонн) и при сокращении посевной площади на 35% в расчете на гектар их дозы должны были возрасти почти в 1,6 раза.

В действительности эти дозы сократились в 2,2 раза (с 88 до 38 кг), т.к. более 80% минеральных удобрений экспортируется. Одновременно в связи с провалом в развитии животноводства сократилось внесение органических удобрений (в расчете на 1 га посева в 3,2 раза). Сейчас на 55% посевных площадей минеральные удобрения вообще не вносятся, а органические – на 93% этих площадей. За те же годы в 9 раз сократилось применение химических средств защиты растений. На 75% посевных площадей нарушены севообороты.

В результате всего этого урожайность основных культур, как и выход продукции растениеводства в расчете на гектар земельных угодий в сопоставимых ценах фактически остался на том же уровне и поддерживается за счет истощения естественного почвенного плодородия. Если за 1990–2010 гг. урожайность зерновых в стране почти не сдвинулась с отметки около 20 ц/га, во Франции, Германии, США, Англии она возросла на 15-20 ц/га и превысила 70 ц/га.

За те же годы на 17% сократился общий выход продукции с 1 га сельскохозяйственных угодий, в т.ч. продукции животноводства более чем на 1/3. Все это свидетельствует о явной тенденции к снижению уровня интенсификации, что подтверждается негативной динамикой технического оснащения сельского хозяйства, обусловленного кризисным состоянием сельскохозяйственного машиностроения, других отраслей АПК. Если в 1990 г. в стране производилось 214 тыс. тракторов, то в 2011 г. – почти в 10 раз меньше, зерноуборочных комбайнов – в 11, льноуборочных – в 13 раз и т.д.

Правда, за те же годы хозяйства приобретали все больше зарубежной техники. Однако вследствие провала в отечественном сельхозмашиностроении произошло общее значительное сокращение используемых ими основных видов техники. За тот же период количество тракторов уменьшилось в 4,2 раза, зерноуборочных комбайнов – почти в 5 раз, кормоуборочных комбайнов – в 9 раз. Это привело к существенному увеличению нагрузки на каждую машину, следовательно, снижению технологических возможностей производства. Нагрузка пашни на 1 трактор возросла с 95

до 230 га, посевов на 1 зерноуборочный комбайн, соответственно, со 152 до 327 га при расчетной нормативной нагрузке на 1 трактор 73 га, на зерноуборочный комбайн 244 га. Для сравнения: нагрузка на 1 трактор в США составляет 37 га, на 1 зерноуборочный комбайн – 50 га, соответственно, в Англии – 13 и 77 га, Франции – 16 и 50 га, Германии – 12 и 53 га. В России в 9 раз возросла нагрузка посевов кукурузы в расчете на 1 кукурузоуборочный комбайн, на картофелеуборочный комбайн – в 1,5 раза, на свеклоуборочную машину – в 3,5 раза. Энергетические мощности на 100 га посевной площади сократились с 364 л.с. до 227 л.с. Низким остается качество техники отечественного производства, степень ее износа возросла за тот же период в 2 раза, а коэффициент обновления снизился в 2,1 раза. Все это свидетельствует о деградации технико-технологического уровня производства, тогда как интенсификация предполагает его повышение, качественное преобразование.

Те же негативные тенденции к снижению показателей интенсификации наблюдаются в животноводстве, о чем прежде всего свидетельствует сокращение поголовья скота на единицу земельной площади. За 1990–2011 гг. площади сельскохозяйственных угодий в стране сократились на 9% (с 214 до 196 тыс. га), а поголовье крупного рогатого скота – почти в 3 раза (с 57 до 20,1 млн голов), соответственно, свиней – в 2,1 раза, овец и коз – в 2,7 раза, птицы – на 20%. Положительной была в этот период динамика продуктивности скота и птицы, но в целом в расчете на гектар сельскохозяйственных угодий производство продукции животноводства упало почти в 1,3 раза.

Общую оценку состояния процесса интенсификации сельского хозяйства дает динамика соотношения затрат и результатов на единицу земельной площади. Анализ показывает, что опосредование движения соответствующих показателей рыночным механизмом при всем его несовершенстве позволяет выявить некоторые позитивные, но противоречивые тенденции, которые стали проявляться в последний десятилетний период. За 2000–2011 гг. практически на ту же площадь сельскохозяйственных угодий некоторый рост валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых оценках происходил при снижении или стабилизации фондооснащенности отрасли. Поэтому не наблюдалось такого падения фондоотдачи, как это происходило в условиях дореформенного затратного экономического механизма.

При оценке валовой продукции в текущих ценах и основных фондов по полной учетной стоимости за тот же период наблюдалось существенное повышение фондоотдачи. Если в 2000 г. на 1 рубль основных фондов

производилось 61 коп. валовой продукции, то в 2011 г. – 95 коп. Однако этими показателями, рассчитанными при крайнем износе основных фондов, истощении почвенного плодородия не стоит обольщаться. Происходит «закономерное» при таких изменениях и сложившихся методах хозяйствования и управления, перекосах в рыночном механизме неизбежное снижение выхода продукции на единицу совокупных затрат в фактических рыночных ценах и, соответственно, рост себестоимости основных видов продукции. Все это, соответственно, сказывается на уровне и динамике рентабельности В 2000 г. без учета субсидий она составляла 2,4%, в 2005 г. – 2,1%, а в среднем за 2009–2011 гг. сельское хозяйство имело убыточность в 1,5%, тогда как в 1990 г. полученная прибыль в сельском хозяйстве обеспечивала 37% рентабельности. Это является прямым следствием дезорганизующего весь процесс интенсификации сельского хозяйства диспаритета цен на продукцию отрасли и используемые в ней промышленные средства производства, что, в свою очередь, следует рассматривать и как прямое следствие отсутствия действенного государственного экономического регулирования развития сельского хозяйства.

Об этом свидетельствуют и данные как о скудных источниках собственных накоплений СХО для добавочных вложений в повышение уровня интенсификации, так и о доле села в общих инвестициях в народное хозяйство. Если в 1990 г. эта доля составляла 16%, то в 2011 г. она снизилась до 3%.

В дореформенный период значительная часть инвестиций в сельское хозяйство обеспечивалась за счет государственного бюджета. Сейчас она не превышает 1%. Существенными (на сумму 150 млрд рублей за 2000–2011 гг.) являются общие абсолютные суммы прироста инвестиций, но они крайне малы для осуществления интенсификации с точки зрения объявленной властями модернизационной стратегии и инновационного развития сельского хозяйства (около 1 тыс рублей на 1 га сельскохозяйственных угодий и 2,5 тыс рублей на 1 га пашни). Это на порядок ниже, чем соответствующие вложения на текущее поддержание достигнутого высокого, оптимизированного по параметрам, уровня интенсификации сельскохозяйственного производства в целом ряде западных стран – членов ВТО, и такая поддержка, видимо, разрешена правилами этой организации.

Связанное с фактической убыточностью сельского хозяйства (а при сопоставимой оценке оплаты труда в отрасли эта убыточность составляет около 15%) практическое почти полное отсутствие необходимой финансовой базы осуществления последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства объясняется главным образом тем, что долж-

ным образом не задействованы макроэкономические факторы и система ее государственного экономического регулирования и бюджетной поддержки.

Все развитые страны Запада наглядно демонстрируют, что прогресс в движении по пути интенсификации сельского хозяйства достигнут в рамках общей стратегии его приоритетной протекционистской поддержки. Этой стратегии практически нет альтернативы и, по утверждению президента РФ В. Путина в статье «О наших экономических задачах», и Россия должна в этой области использовать «опыт всех этих стран»¹. К сожалению, на практике все сводится к полумерам или общим намерениям.

Помимо вышеназванных стран поучительные уроки опыта государственной поддержки процесса интенсификации дают и многие другие, в частности, Швейцария. Не имеющая особых запасов ни нефти, ни газа, ни других сырьевых ресурсов и имея крайне низкую (по сравнению с Россией – в 5 раз) землеобеспеченность в расчете на 1 жителя эта страна достигала своего благополучия на основе последовательной интенсификации сельского хозяйства, создания необходимых для этого условий труда и жизни крестьянства. Ныне 4% занятых в сельскохозяйственном производстве, располагающие современной материально-технической базой и необходимым социальным обустройством, обеспечивают надежную продовольственную безопасность государства.

Примечательно, что базовое значение сельского хозяйства в экономике и жизни общества и вытекающая из этого необходимость его приоритетного развития зафиксировано в специальной статье Конституции страны и неукоснительно реализуется в аграрной и государственной экономической политике в целом.

Могут сказать, что необходимые для такого перевода на интенсивный путь развития ресурсы лучше направить на вовлечение в оборот заброшенных в годы реформ 40 млн га пахотных земель, на что ориентирует и Доктрина продовольственной безопасности страны. Но, во-первых, это потребует более значительных затрат, т.к. на большей части этих земель уже нет никаких признаков жизни и их, часто заросших кустарником и мелколесьем, нужно вновь осваивать, как когда-то целинные и залежные земли, создавать необходимую инфраструктуру, строить жилье, дороги и т.д. Во-вторых, на оставшихся в обработке 80 млн га пахотных и 196 млн га всех сельскохозяйственных угодий с меньшими затратами

¹ Ведомости, 30.01.2012 г.

можно в 1,5-2,0 раза увеличить производство продукции отрасли. В перспективе, по мере оптимизации размеров и структуры материально-технической базы интенсификации, комплексного качественного преобразования всех факторов производства такой же или даже больший объем продукции можно будет получить и с меньшей общей площади сельскохозяйственных земель. Не случайно при насыщении агропродовольственного рынка в мировой практике применяются меры и стимулы по сокращению посевных площадей.

Экономически обоснованные оптимумы капитала, необходимых финансовых средств, конкретных видов производственных ресурсов в расчете на гектар земли или голову скота в зависимости от специализации, отраслевой структуры, других условий будут существенно меняться. Здесь необходимы специальные методические разработки и аналитические расчеты. Однако общими ориентирами определения необходимых нормативов могут быть показатели из зарубежной практики, близкого к ней опыта отдельных успешных в осуществлении интенсификации сельского хозяйства отечественных производителей. При этом в одних случаях средства целесообразно направлять преимущественно в эффективное производство соответствующей группы хозяйств, а в других, особенно в сельской глубинке, в создание необходимых социальных предпосылок ее осуществления, строительство дорог, жилья, инженерной инфраструктуры и т.д.

Примерные, основанные на экстраполяции указанных нормативов расчеты показывают, что для удвоения продукции сельского хозяйства на используемых в настоящее время сельскохозяйственных угодьях общий размер производственно-технического потенциала в целом надо увеличить примерно в 3,0-3,5 раза (по отдельным элементам, видам техники, удобрений и т.д. – в 4-5 и более раз). Текущие материальные затраты при этом возрастут в два с лишним раза при сокращении затрат живого труда на 35-40%. Общий среднегодовой объем финансовых средств для соответствующих преобразований материальной базы интенсификации с соответствующей социальной инфраструктурой исчисляется суммой в 500-550 млрд рублей.

Собственных финансовых средств для таких вложений (при нынешнем ценовом диспаритете и фактическом уровне аграрных цен) сельское хозяйство, за исключением небольшой группы СХО, как правило, получающих рентные доходы, не имеет. При сложившейся деградированной социальной сфере села, а также практически вдвое заниженном уровне

оплаты труда работников сельского хозяйства, последние не имеют необходимых высоких стимулов активной производственной деятельности. В условиях повышенного риска, связанного с действием стихийных сил природы и бедственным финансово-экономическим состоянием сельского хозяйства, рассчитывать на частные инвестиции в отрасль не приходится. Поэтому основными источниками необходимых для осуществления последовательной интенсификации средств, если не полностью, то в основном являются федеральный бюджет и в какой-то мере региональные бюджеты.

При соблюдении правильных, социально справедливых пропорций распределения национального дохода и сбалансированной ценовой системе, обеспечивающей объективно необходимый уровень рентабельности сельского хозяйства (по имеющимся, неоднократно публиковавшимся расчетам на уровне примерно 25% с включением в издержки сопоставимой со средней по экономике оплаты труда), отрасль могла бы иметь достаточные для таких вложений собственные источники. Но в стране продолжает действовать в корне подрывающая экономические основы интенсификации производства и всего процесса сельского развития пресловутая «перекачка» созданного крестьянским трудом национального дохода, в т.ч. изъятия из отрасли всей прибавочной стоимости и примерно половины общественно-необходимого уровня оплаты труда.

По имеющимся расчетам структуры стоимости товарной продукции сельского хозяйства за 2009–2011 гг. в розничных ценах, среднегодовой объем этой перекачки в пользу субъектов монопольного окружения отрасли, включая государство, составляет 1,3 трлн рублей (40 млрд долларов), тогда как возвращается в село 1/10 часть (4,3 млрд долларов). Но и из мизерной суммы дохода около 60% (80 млрд рублей) через фискальное налогообложение государство забирает назад.

Власть, считающая сельское хозяйство «черной дырой» и смиряющаяся с унижительным для России масштабным импортом продовольствия (в 2011 г. на сумму 42,5 млрд долларов), аргументирует такую антикрестьянскую политику нехваткой бюджетных средств. На телевизионной пресс-конференции 20 декабря 2012 г. президент РФ В. Путин прямо не высказал своего отношения к такой аргументации, но заявил, что сейчас принятый бюджет не позволяет ежегодно выделить для села даже «разрешенные» соглашениями с ВТО 9 млрд долларов (примерно 280 млрд рублей).

Однако препятствуют получать сельскому хозяйству свою, заработанную тяжелым крестьянским трудом долю национального дохода те представители власти, которые не считаются ни с собственными декларациями о приоритете сельского развития, ни с необходимостью обеспече-

ния приоритетных направлений социально-экономического развития страны вообще. Сложилось поистине «любительское» отношение властей к выбору этих приоритетов. Откуда, например, следует, что «вложения капитала» на международные спортивные игры 2014г. и чемпионат по футболу 2018г. (превышающие, по некоторым оценкам, 10% доходной части федерального бюджета страны в 2012 г.) приоритетнее затрат на поддержку сельского хозяйства (в размере 1,4% от этого бюджета)? Где здесь экономическая целесообразность и социальная справедливость, и вообще элементарный здравый смысл? Очевидными субъективными соображениями и пристрастиями продиктованы и некоторые другие приоритеты, в частности, астрономические суммы на военные цели, космос и т.д., где многие миллиарды народных средств действительно исчезают как в черной дыре. Так что дело не в «узких» рамках бюджета, а в явных изъянах, перекосах, очевидных признаках субъективизма аграрной и общей экономической политики государства.

Ограниченность любых ресурсов на земле – объективная мировая реальность. Отсюда стратегическая задача их эффективного, социально справедливого распределения и использования. Но приоритетное развитие сельского хозяйства это тоже глобальная мировая реальность, предполагающая объективную общественную необходимость обеспечения активной государственной поддержки отрасли, в первую очередь, через поддержку аграрных цен. Размеры этой поддержки в рамках других ограничений во многих зарубежных странах – членах ВТО, где не хуже понимают значение обороны, спорта и т.д., но знают и соблюдают в расстановке приоритетов разумную меру, достигают двух и более тысяч долларов в расчете на гектар земельных угодий против 25-30 долларов в России и примерно 50 долларов, разрешенных России в результате 18 лет переговоров о вступлении в ВТО.

В этом отношении помимо названных выше крупных и малых стран поучительным примером выбора приоритетов для нас является Китай. При площади пахотных земель в 121 млн га, т.е. в 1,5 раза больше, чем в России, поддержка сельского хозяйства в последние годы в расчете на гектар этих земель в 15-20 раз превышает российские показатели. Китайская стратегия рыночного реформирования продемонстрировала целесообразность государственной поддержки и на ее основе быстрого повышения уровня интенсификации аграрного производства. России нельзя, при невиданных ранее потоках в страну нефтегазовых долларов, не использовать для такой интенсификации имеющиеся реальные возможности.